

Симбиотическая природа деструктивного дискурса в аспекте лингвистической экспертологии

А. Л. Дединкин

*Витебский филиал Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»*

ул. М. Шагала, 8А, 210015, Витебск, Республика Беларусь. E-mail: alexanderdedinkin@yandex.by

Статья посвящена исследованию природы деструктивного дискурса в аспекте лингвистической экспертологии. Дискурс определен как текстовый корпус, фрагменты которого имеют смысловую конвергенцию и интертекстуальную связь, выраженную особыми прагматическими и семантическими маркерами. Сделан вывод о том, что исследование спорных текстов как элементов того или иного дискурса необходимо осуществлять в рамках прагмасемантической парадигмы. Для этого эксперт должен определить влияние прагматических факторов на характер передаваемого сообщения, а также выявить лексико-семантические средства, которые были использованы для реализации коммуникативных задач. Сильной стороной данного подхода является учет таких специфических свойств дискурса, как интенциональность, интеракциональность и социальная обусловленность. Установлено, что деструктивность является важнейшей категорией, которая определяет прагматику дискурса. В статье определено содержание категории «деструктивность» в рамках философских концепций, рассмотрены факторы деструктивного поведения с точки зрения физиологии и генетики, определены психические и социокультурные основания деструктивности. В аспекте юрислингвистики автором под деструктивностью понимается характеристика дискурса, в рамках которого адресантом используются конфликтогенные речевые технологии, провоцирующие адресата к противоправным действиям. Соответственно, деструктивный дискурс представляет собой особый тип дискурсивной практики, где субъектом речепорождения выступает делинквентная языковая личность, а продуктом является конфликтогенный текстовый корпус, содержание которого имеет признаки противоправности. Деструктивный дискурс имеет симбиотическую природу и реализуется в рамках религиозного, этнического, расового, политического и других дискурсов. При исследовании спорных текстов различных видов дискурса эксперты в первую очередь выявляют высказывания, содержащие оскорбительные номинации и публичные призывы к насильственным действиям в отношении представителей других рас, этнических групп, конфессий, а также маркеры пропаганды исключительности, превосходства или неполноценности граждан по тому или иному признаку.

Ключевые слова: дискурс, деструктивность, деструктивный дискурс, юрислингвистика, лингвистическая экспертология.

The Symbiotic Nature of Destructive Discourse in Respect of Linguistic Expertise

A. L. Dziadzinkin

Vitebsk Branch "International University "MITSO"

8A M. Shagal Str., 210015, Vitebsk, Republic of Belarus. E-mail: alexanderdedinkin@yandex.by

The article discusses the nature of destructive discourse in respect of linguistic expertise. Discourse is defined as a text corpus, fragments of which have semantic convergence and intertextual connection, expressed by special pragmatic and semantic markers. It is concluded that the study of controversial texts as elements of a particular discourse must be carried out within the framework of the pragmasemantic paradigm. To do this, the expert must determine the influence of pragmatic factors on the nature of the conveyed message, as well as identify lexical and semantic means that were used to implement communicative tasks. The asset of this approach is in taking into account such specific properties of discourse as intentionality, interactionality and social conditioning. It is established that destructiveness is the most important category that defines the pragmatics of discourse. The article defines the content of the category "destructiveness" in the scope of philosophical concepts, considers the factors of destructive behavior from the point of view of physiology and genetics, defines the mental and socio-cultural foundations of destructiveness. In relation to legal linguistics, the author understands

destructiveness as a characteristic of discourse, in which the addressee uses conflictogenic speech technologies that provoke the addressee to illegal actions. Accordingly, destructive discourse is a special type of discursive practice, where the subject of speech generation is a delinquent linguistic persona, and the product is a conflictogenic text corpus, the content of which has signs of illegality. Destructive discourse has a symbiotic nature and is implemented within the framework of religious, ethnic, racial, political and other discourses. When studying controversial texts of various types of discourse, experts primarily identify statements containing offensive nominations and public calls for violent actions against representatives of other races, ethnic groups, faiths, as well as markers of propaganda of exclusivity, superiority or inferiority of citizens on one or another basis.

Key words: discourse, destructiveness, destructive discourse, legal linguistics, linguistic expertise.

В терминосистеме лингвистики понятие «дискурс» закрепилось в XX веке. Уже порядка восьмидесяти лет делаются попытки осмысления данного феномена, определяются его лингвистические и экстралингвистические свойства. Вместе с тем общей позиции не выработалось. Отсюда и наличие множества дефиниций. В юрислингвистике понятие «дискурс» до настоящего времени также остается неопределенным, нет четких критериев для разграничения категорий «дискурс» и «текст», отсутствует общая позиция о том, в рамках какой парадигмы следует выполнять судебные лингвистические исследования. Указанную проблему, на наш взгляд, необходимо решать с учетом коммуникативного, социально-прагматического и когнитивного подходов. Некоторые их положения легли в основу предлагаемой нами концепции дискурса в аспекте юрислингвистики.

Во-первых, при решении прикладных задач на стыке языка и права множественность подходов к толкованию дискурса недопустима. Для эксперта-лингвиста определенность терминологии является важнейшим условием.

Во-вторых, эксперт не имеет права выходить за рамки своей компетенции, а при анализе поступившего на экспертизу речевого произведения может давать только лингвистическую оценку. Следовательно, и толкование дискурса должно осуществляться с позиции, которая наиболее когерентна с его лингвистической природой.

В-третьих, в каждом конкретном дискурсе (политическом, этническом, религиозном и т. д.) актуализируются специфические языковые конструкции. Соответственно, юрислингвистикой должны быть выявлены особенности работы с этими видами дискурса.

В-четвертых, экспертная практика подразумевает, что лингвистическому анализу будут подвергаться «информационные следы» различных дискурсов. Ими являются тексты (в терминологии юрислингвистики – спорные тексты).

На основе сформулированных выше положений понятие «дискурс» приобретает узкоспециализированное значение. В качестве его дефиниции можно предложить следующую: дискурс – это текстовый корпус, фрагменты которого имеют смысловую конвергенцию и интертекстуальную связь, выраженную особыми прагматическими и семантическими маркерами.

Конституирующими признаками дискурса в аспекте юрислингвистики являются тематическое единство текстового пространства и его прагмасемантическое своеобразие. Подобный вывод коррелирует с позицией Е. Кубряковой о том, что «за каждым типом дискурса проступает свой "возможный мир", действия и объекты в котором оцениваются и осмысливаются по логике этого мира» [Кубрякова 2004: 529].

Опираясь на предложенную нами дефиницию дискурса, считаем, что экспертное лингвистическое исследование следует проводить в рамках прагмасемантической парадигмы.

Прагмасемантический подход предполагает взаимное проникновение семантики и прагматики, когда семантическое описание опирается на прагматический анализ и наоборот. Можно согласиться с тем, что прагмасемантику называют «сильной семантикой» [Золян 2016]. Семантические законы функционирования дискурса в этом случае определяются вместе с прагматическими аспектами, исследуется то, что сказано, с учетом того, кем, кому, зачем и в каком контексте это было сказано. Сильной стороной данной концепции является учет экспертом-лингвистом таких специфических свойств дискурса, как интенциональность, интеракциональность и социальная обусловленность.

Объектами лингвистического исследования в рамках прагмасемантического подхода являются спорные тексты как фрагменты того или иного дискурса. Чтобы интерпретировать содержание спорного текста, эксперт должен определить влияние прагматических факторов на характер передаваемого сообщения, а также выявить лексико-семантические средства, которые были использованы для реализации коммуникативных задач.

Понятие «деструктивный дискурс» является относительно молодым. Для того, чтобы определить его природу в аспекте юрислингвистики, нужно понимать, какой смысл вкладывается в такую категорию, как деструктивность.

Деструктивность является важнейшей категорией, которая определяет прагматику дискурса. Ее рассматривают как характеристику человеческой деятельности, в основе которой лежит направленность на разрушение существующих общественных отношений. Соответствующий термин был введен в научный оборот еще в 1973 году немецко-американским социологом и психоаналитиком Э. Фроммом.

Изначально феномен деструктивности был предметом исследования философии [Волкова 2014; Немчинова 2005].

Социально-детерминистский подход к проблеме деструктивности сформировался уже в эпоху Просвещения. Ш. Монтескье, К. Гельвеций, Ж.-Ж. Руссо и другие мыслители называли причинами деструктивного поведения социальную несправедливость и воспитание граждан в духе эгоизма. Последователи социального утопизма (Р. Оуэн, Ш. Фурье, А. Сен-Симон) указывали на такие предпосылки человеческой деструктивности, как господство частной

собственности и эксплуатации. Г. Гегель выработал диалектическое понимание категории негативности, считал, что развитие общества осуществляется путем взаимодействия и борьбы противоположностей (добра и зла). Экономическая теория деструктивности была сформулирована К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые полагали, что противоречия между способом производства и существующими производственными отношениями приводят к порабощению эксплуатируемого класса, в результате чего происходят социальные революции. Ф. Ницше в своих трудах аргументировал полезность насилия для развития творческого духа свободной личности. Классики философской антропологии рассматривали деструкцию как проявление бессилия духа (М. Шелер), эксцентричность в борьбе с рефлексией (Г. Плеснер), биологическую ущербность, порождающую «атомарную агрессивность» (А. Гелен). В русской религиозной философии (В. Соловьев, Н. Бердяев, Л. Шестов) деструктивное поведение объяснялось неполнотой бытия человека, нарушением соразмерности в его отношениях с миром. Философы-экзистенциалисты (А. Камю, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр) связывали разрушительное начало, скрытое в человеке, со страхом перед неопределенным будущим. В философии постмодернизма (М. Фуко, Ж. Бодрийяр, Р. Барт, А. Кожев) основой для исследования проблемы деструктивности стал анализ «машинерии бессознательного», «негативной субъективности».

В рамках философских концепций определено содержание категории «деструктивность», однако репрезентация ее свойств представлена лишь в самом общем виде.

Рассмотрим факторы деструктивного поведения с точки зрения физиологии и генетики [Батыршина 2022; Лысак 1999].

К физиологическим основаниям деструктивности относятся, во-первых, нейроанатомические особенности головного мозга. Многочисленные экспериментальные данные свидетельствуют о том, что к деструкции приводят аномалии в его коре. Доказано, что при повреждении лобной доли неокортекса человек становится импульсивным и раздражительным. Зафиксировано, что значимыми участками головного мозга, которые влияют на характер поведения людей, являются архипалеокортекс и гипоталамус. Кроме этого, эмоциональная реактивность модифицируется вследствие ослабления функций амигдал и гиппокампа. Во-вторых, это гормональный дисбаланс. Так, высокую эмоциональность определяют гормоны, вырабатываемые мозговым веществом надпочечников. Переизбыток дофамина приводит к увеличению двигательной активности, тем самым косвенно стимулирует проявление человеком положительных эмоций во время актов агрессии. Переизбыток норадреналина («гормона ярости») или адреналина («гормона страха») повышает уровень агрессии напрямую. Серотонин отвечает за торможение спонтанных реакций, но если его в ткани мозга недостаточно, то повышается уровень тревожности и люди проявляют агрессию по отношению к себе. Кроме этого, исследования последних лет показали определенную корреляцию между высоким уровнем агрессивности и повышенным уровнем тестостерона.

Отдельные ученые связывают деструктивную направленность деятельности человека с генетическими дисфункциями. Во-первых, появились сведения о влиянии на поведение человека белкового фермента моноаминоксидаза. Снижение его уровня приводит к накоплению нейромедиаторов и перевозбуждению мозга. Во-вторых, установлено, что склонность к деструкции проявляется в большей степени у людей с кариотипом ХУУ. Имеются статистические данные, свидетельствующие, что среди преступников, совершивших акты насилия, указанный хромосомный тип является наиболее частотным.

Приведенные выше факты свидетельствуют о биологической детерминации деструктивной деятельности, однако веские доказательства ее прямой обусловленности физиологическими или генетическими аномалиями отсутствуют.

Детерминанты деструктивного поведения личности исследуются в различных парадигмах психологии [Кузнецов 1992; Фромм 1994].

Основатель психоанализа З. Фрейд полагал, что в основе деструктивной деятельности лежит инстинкт смерти. Следовательно, человек одержим желанием разрушить либо себя, либо окружающих. К. Лоренс в духе фрейдизма трактует деструкцию как первичный и спонтанный инстинкт, который невозможно подавить. По мнению исследователя, актуализация инстинкта освобождает человека от накопившегося эмоционального напряжения. И. Эйбл-Эйбесфельд считал, что деструктивная деятельность имеет филогенетические корни и свойственна как первобытным, так и цивилизованным сообществам. В основе бихевиористских теорий деструкции (А. Басс, Л. Берковиц) лежит модель поведения «стимул – реакция». Исследователями отмечена исключительная роль внешних факторов (оскорбления, физического насилия) в порождении деструктивных актов. В соответствии с теорией А. Маслоу, неудовлетворение базовых потребностей человека приводит к формированию чувства неполноценности, которое провоцирует различного рода деструкции. Э. Фромм доказал, что деструктивная деятельность вызывается не фрустрацией, а «несправедливой ситуацией», в которую попадает человек, а также сделал вывод о том, что стиль поведения в конфликте напрямую зависит от характера человека. А. Адлер в качестве ключевой предпосылки деструктивной деятельности назвал стремление к превосходству, которое обнаруживается у эгоистически настроенных людей со слабой способностью к адаптации.

В рассмотренных концепциях с опорой на эмпирический материал определены психические основания деструктивности, однако не учтен социокультурный контекст деятельности человека.

Социологами и криминологами проблема деструктивности исследуется в рамках концепции девиантного поведения [Богдан 2010; Тард 2019].

С опорой на статистику еще в XIX веке учеными было установлено, что число деструктивных актов (в первую очередь – преступлений) значительно вырастает в период войн и экономических кризисов. Отсюда, закономерным является вывод бельгийского социолога А. Кетле о том, что преступниками не рождаются, а становятся под воздействием социальных условий. Французский социолог Г. Тард также утверждал, что преступность порождается

социальной средой. В частности, он связывал это с таким механизмом коммуникативной деятельности, как подражание. Фундаментальные исследования социальных девиаций были проведены еще одним французским социологом Э. Дюркгеймом. Им была обоснована теория «аномии», т. е. социальной дезорганизации, когда старые нормы уже не соответствуют сложившимся общественным отношениям. Именно в таком обществе, по мнению автора, наблюдается рост проявлений девиантности. Р. Мертон объяснял деструктивный характер деятельности человека закономерным порождением общества, когда нарушение социального кодекса является «нормальным» ответом на сложившуюся ситуацию. По мнению Т. Парсонса, причинами девиаций являются социальные различия между участниками коммуникации (уровень доходов, политическое положение, престиж профессии и др.), а также невыполнение ожиданий. Целая группа исследователей (А. Коэн, Р. Клауорд, Л. Оулин и др.) придерживается позиции о том, что причиной деструктивного поведения является столкновение интересов делинквентных сообществ с ценностями доминирующей культуры.

В указанных концепциях фиксируется, что деструктивность является порождением сложных социокультурных процессов. Вместе с тем всесторонний анализ деструктивной деятельности отсутствует.

Таким образом, деструктивность является многогранным феноменом, содержание которого можно определить только путем комплексного исследования его биологических, психических и социокультурных оснований. В аспекте юрислингвистики дефиницию данного термина предлагаем конкретизировать следующим образом: деструктивность – это характеристика дискурса, в рамках которого адресантом используются конфликтогенные речевые технологии, провоцирующие адресата к противоправным действиям.

Опираясь на сформулированные нами дефиниции дискурса и деструктивности, полагаем, что деструктивный дискурс – это особый тип дискурсивной практики, где субъектом речепорождения выступает делинквентная языковая личность, а продуктом является конфликтогенный текстовый корпус, содержание которого имеет признаки противоправности. Таким образом, в рамках юрислингвистической парадигмы между категориями «деструктивный» и «противоправный» мы ставим знак равенства. Это в значительной степени коррелирует с позицией Н. Арутюновой, которая еще в конце 1990-х годов указывала на то, что язык способен на преступные действия [Арутюнова 1998: 3]. Соответственно, преступным может быть и сам дискурс.

Деструктивный дискурс имеет симбиотическую природу и реализуется в рамках религиозного, этнического, расового, политического и других дискурсов.

Симбиоз религиозного и деструктивного дискурсов.

Религиозный дискурс включает в себя различные по содержанию и коммуникативной направленности тексты. Вероучительные и богослужебные произведения традиционных для Республики Беларусь конфессий (православия, католицизма, протестантизма, ислама и иудаизма) не вступают в противоречие с белорусским антиэкстремистским законодательством. Священные Писания и канонические молитвы воспринимаются как «знаки, исполненные высшей духовности, мудрости, нравственного совершенства» [Мишланов 2015: 87]. Чаще всего объектом судебной лингвистической экспертизы выступают тексты неорелигиозных движений, авторами которых являются последователи харизматических культов и тоталитарных сект. Конфликтогенными являются тексты таких жанров, как миссионерские проповеди, выступления религиозных лидеров по общественно-политическим вопросам, а также религиозно-публицистические трактаты. На наш взгляд, экспертизе могут подвергаться также толкования священных текстов, которые не согласуются с устоявшимися теологическими догматами.

При исследовании текстового корпуса религиозного дискурса внимание экспертов сосредоточено на высказываниях, содержащих:

- оскорбительные номинации и публичные призывы к насильственным действиям в отношении представителей других конфессий (разжигание религиозной вражды);
- пропаганду исключительности, превосходства или неполноценности граждан по признаку их религиозной принадлежности (разжигание религиозной розни);
- информацию, направленную на оскорбление чувств верующих, демонстрацию неуважения к их святыням.

Симбиоз этнического и деструктивного дискурсов.

Стремление народа сохранить этническую идентичность под влиянием целого ряда факторов может трансформироваться в идею этноцентризма, реализация которой сопряжена с сепаратизмом и шовинизмом. Этнический дискурс в таком случае приобретает интолерантный националистический характер.

В националистическом дискурсе, как правило, используется коммуникативная стратегия, направленная на противопоставление двух сообществ: «местных» (к примеру, славян) и «пришлых» (цыган, евреев, «кавказцев» и т. д.) [Ракачёва 2004]. Местные в данном случае выступают как «хозяева», которые устанавливают на своей земле порядок, в то время как пришлые рассматриваются как «непрошенные гости», обязанные этому порядку беспрекословно следовать. Несоблюдение правил оценивается доминантной группой как нарушение, за которым обязательно должно последовать наказание в форме насильственных действий в отношении представителей рецессивной группы.

При исследовании спорных текстов националистического дискурса эксперты подвергают анализу высказывания, содержащие:

- оскорбительные номинации и публичные призывы к насильственным действиям в отношении представителей других этнических групп (разжигание национальной вражды);
- пропаганду исключительности, превосходства или неполноценности граждан по признаку их национальной принадлежности (разжигание национальной розни);

- информацию, направленную на оскорбление национальных чувств, формирующую презрительное отношение к национальным символам, обычаям и традициям.

Симбиоз расового и деструктивного дискурсов.

Расовый дискурс сегодня уже не сводится к идеям о врожденных особенностях людей и их цвете кожи. С учетом «политкорректности» говорят о культурном своеобразии народов [Шнирельман 2005]. Вместе с тем на уровне обывателей в расе по-прежнему усматривается генетическая природа, а в «дискурсе о культуре» имплицитно проявляется теория расовой чистоты, оправдывающая социальное неравенство и создающая предпосылки для иерархической организации общества, где одни группы доминируют над другими. Подобный дискурс, на наш взгляд, следует называть расистским.

Дискурс расизма на постсоветском пространстве впитал те негативные социальные установки и клише, которые были выработаны западной культурой. В сознании представителей европеоидной расы укоренился стереотип о том, что «темнокожие» являются ленивыми и глупыми людьми, склонными к преступной деятельности.

При исследовании спорных текстов расового дискурса эксперты подвергают анализу высказывания, содержащие:

- оскорбительные номинации и публичные призывы к насильственным действиям в отношении представителей других рас (разжигание расовой вражды);
- пропаганду исключительности, превосходства или неполноценности граждан по признаку их расовой принадлежности (разжигание расовой розни);
- постулаты о неустрашимости различий между расами, о том, что биологические особенности людей являются источником для их социальной дифференциации.

Симбиоз политического и деструктивного дискурсов.

Деструктивность в политическом дискурсе предопределена интенцией борьбы за власть. Соответственно, данный дискурс имеет агональный характер, что влияет на выбор стратегий коммуникативного поведения [Волкова 2016]. К этим стратегиям относятся позитивная презентация собственной программы на фоне негативной оценки политического курса государства; дискредитация оппонента как личности; использование обвинительных высказываний в отношении действующей власти, а также издевок, передразниваний, оскорбительных прозвищ в адрес высших государственных служащих и т. д.

При исследовании текстового корпуса политического дискурса внимание экспертов сосредоточено на высказываниях, содержащих:

- оскорбительные номинации и публичные призывы к насильственным действиям в отношении политических оппонентов (разжигание политической вражды);
- распространение заведомо ложных сведений о политическом, международном, социально-экономическом положении государства;
- дискредитацию органов государственной власти и управления;
- оскорбления в адрес Главы государства и иных представителей власти в связи с исполнением ими служебных обязанностей;
- публичные призывы к проведению незаконных массовых мероприятий, а также к иным действиям, представляющим угрозу национальной безопасности государства.

Таким образом, деструктивный дискурс имеет симбиотическую природу и реализуется в рамках религиозного, этнического, расового, политического и других дискурсов. При исследовании спорных текстов различных видов дискурса эксперты в первую очередь выявляют высказывания, содержащие оскорбительные номинации и публичные призывы к насильственным действиям в отношении представителей других рас, этнических групп, конфессий, а также маркеры пропаганды исключительности, превосходства или неполноценности граждан по тому или иному признаку.

Литература

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1998.

Батыршина А. Р. Агрессия с точки зрения нейрофизиологии поведения / Научно-практический журнал «Гуманизация образования». - 2022. - № 4. - С. 97-103.

Богдан С. С. Человеческая деструктивность как социокультурный феномен / Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. - 2010. - № 124. - С. 310-320.

Волкова Я. А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: монография. Волгоград, 2014.

Волкова Я. А. Деструктивность в политическом дискурсе / Russian Journal of Linguistics. - 2016. - № 4. - С. 161-178.

Золян С. Т. Семиотика и прагматика политического дискурса / Политическая наука. - 2016. - № 3. - С. 47-75.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

Кузнецов Н. С. Человек: потребности и ценности. Закончится ли спор Иисуса Христа с Великим Инквизитором? Свердловск, 1992.

Лысак И. В. Человек-разрушитель: деструктивная деятельность человека как социокультурный феномен. Таганрог, 1999.

Мишланов В. А., Салимовский В. А. Современный церковно-религиозный дискурс в аспекте проблем судебной лингвистики / Вестник Пермского университета. - 2015. - № 2 (30). - С. 84-96.

- Немчинова А. Л. Понятие человеческой деструктивности: сущность метафизического подхода / Нефтегазовые технологии и экологическая безопасность. - 2005. - № 5. - С. 17-26.
- Ракачёва Я. В. Против кого дружим? Этнический дискурс в кубанской прессе / Человек. Сообщество. Управление. - 2004. - № 1. - С. 104-118.
- Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы. М., 2010.
- Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.
- Шнирельман В. А. Расизм: вчера и сегодня / Pro et contra. - 2005. - № 2 (9). - С. 41-65.

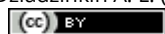
References

- Arutyunova, N. D. (1998). Types of language meanings: Assessment. Event. Fact. Moscow (in Russian).
- Batyrshina, A. R. (2022). Aggression from the point of view of the neurophysiology of behavior. Scientific and practical journal "Humanization of education", 4, 97-103 (in Russian).
- Bogdan, S. S. (2010). Human destructiveness as a sociocultural phenomenon. Proceedings of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, 124, 310-320 (in Russian).
- Fromm, E. (1994). The anatomy of human destructiveness. Moscow (in Russian).
- Kubryakova, E. S. (2004). Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world. Moscow (in Russian).
- Kuznetsov, N. S. (1992). Man: needs and values. Will the dispute between Jesus Christ and the Grand Inquisitor end? Sverdlovsk (in Russian).
- Lysak, I. V. (1999). The human destroyer: destructive human activity as a socio-cultural phenomenon. Taganrog (in Russian).
- Mishlanov, V. A., Salimovsky, V. A. (2015). Modern church-religious discourse in the aspect of problems of judicial linguistics. Bulletin of the Perm University, 2 (30), 84-96 (in Russian).
- Nemchinova, A. L. (2005). The concept of human destructiveness: the essence of the metaphysical approach. Oil and gas technologies and environmental safety, 5, 17-26 (in Russian).
- Rakacheva, Ya. V. (2004). Who are we friends with? Ethnic discourse in the Kuban press. Human. Community. Management, 1, 104-118 (in Russian).
- Shnirelman, V. A. (2005). Racism: yesterday and today. Pro et contra, 2 (9), 41-65.
- Tarde, G. (2010). The criminal and the crime. Comparative crime. Mob crimes. Moscow (in Russian).
- Volkova, Ya. A. (2014). Destructive communication in the cognitive-discursive aspect: a monograph. Volgograd (in Russian).
- Volkova, Ya. A. (2016). Destructiveness in political discourse. Russian Journal of Linguistics, 4, 161-178 (in Russian).
- Zolyan, S. T. (2016). Semiotics and pragmasemantics of political discourse. Political science, 3, 47-75 (in Russian).

Citation:

Дединкин А. Л. Симбиотическая природа деструктивного дискурса в аспекте лингвистической экспертологии // Юрислингвистика. – 2024. – 34. – С. 126-131.

Dziadzinkin A. L. (2024) The Symbiotic Nature of Destructive Discourse in Respect of Linguistic Expertise. Legal Linguistics, 34, 126-131.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License